

Вспомнив холодный, отстранённый взгляд Гу Шаобая, а также ту нежность, что плескалась в его глазах в минуты страсти, он невольно улыбнулся.

— Шаобай, ты — самое дорогое, что есть у меня в этой жизни, так что я непременно оправдаю твои ожидания.

Дуань Яньчэнь, получив весточку от помощника префекта Цуя с просьбой о встрече, немедленно, как вихрь, устремился в харчевню. На самом деле он презирал таких людей — у них в голове только деньги, и совсем нет совести. В этот напряжённый момент он не знал, какую информацию тот собирается продать, но пропустить её было нельзя. В критической ситуации нельзя упускать ни одной детали!

Едва переступив порог харчевни, он понял, что отступать уже поздно — здоровяки уже заблокировали дверь.

На сердце стало тяжело. Видимо, судьба не на его стороне.

Дуань Яньчэнь был человеком учёным, умным, но слабым духом. Цзи Цину даже не пришлось применять пытки — стоило лишь бросить перед ним улики вместе с орудиями наказания, как тот уже потерял самообладание от ужаса.

Однако его признания вырывались с трудом, словно выдавливались из него по капле: на каждый вопрос он отвечал неохотно.

В конце концов, Цзи Цин, не выдержав, приказал применить более суровые меры, и только тогда тот, запинаясь, рассказал всё до конца.

Когда дело дошло до подписания признания, Цзи Цин, не сдержавшись, пнул его ногой и выругался:

— Если уж продаёшься, делай это быстрее, не трать моё время!

Стоявший рядом Лэн Дун едва сдержал смех.

— Господин Цзи, если бы Дуань Яньчэнь не был таким сухарем, я бы подумал, что это намёк!

Метель, как тяжёлый белый занавес, окутала землю и небо. Снег, гонимый ветром, затруднял возвращение домой. Серое небо давило на крыши с их резными карнизами, словно сама природа не выдерживала этой тяжести.

После утреннего приёма император оставил Му Цинфэна во дворце. Похоже, даже молодой государь счёл такую погоду слишком удручающей и ему нужен был кто-то, чтобы составить компанию за игрой в шахматы и разговором о живописи.

Маленький евнух Дэ Фу вошёл с подносом, поставил две чашки чая, блюдце с ореховым печеньем и тарелку с красиво уложенными фруктами.

Император сделал ход на шахматной доске, мельком взглянул на красивое блюдо и, не отрывая взгляда от доски, обратился к стоявшему рядом евнуху:

— Дэ Фу, сколько тебе лет?

Дэ Фу слегка поклонился.

— Вашему слуге двадцать четыре года.

Император нахмурился.

— Хм... Я помню, тебя перевели из Императорской кухни, верно?

Дэ Фу, глядя прямо в свои носки, ответил:

— Ваше Величество обладают прекрасной памятью. Три года назад господин Си заметил мою проворность и перевёл меня в Чайную палату.

— А Фэн, если ты будешь мне поддаваться, я рассержусь, — пригрозил император, бросив взгляд на Му Цинфэна.

Тот лишь улыбнулся в ответ:

— Ваше Величество, я не смею, это вы играете лучше!

Император снова повернул голову к евнуху и с улыбкой спросил:

— Дэ Фу, как ты думаешь, кто выигрывает в этой партии: я или Князь И?

Дэ Фу вытянул шею, разглядывая доску, затем поспешно отступил назад и, заискивающе улыбаясь, ответил:

— Ваше Величество слишком высоко цените своего слугу, откуда мне знать такое!

Император бросил шахматную фигуру на стол — звон заставил Дэ Фу вздрогнуть. Му Цинфэн же сидел совершенно спокойно, прищурившись и глядя на государя.

— Мне кажется, евнух Дэ Фу отлично играет в шахматы, — произнёс император, и улыбка застыла у него в уголках глаз.

Дэ Фу с грохотом опустился на колени на отполированный каменный пол, ударившись коленями так, что раздался глухой звук.

— Ваше Величество, смилуйтесь! Ваш слуга виноват, Ваш слуга должен умереть, я не умею говорить...

— Ох, — император опёрся на маленький столик из красного дерева и встал, разминая онемевшие колени.

Как раз в этот момент Ван Си принёс чай. Государь взял чашку, сделал пару глотков и произнёс:

— Ван Си, это твой хороший ученик, так что сам с ним и разберись.

Сказав это, он взял Му Цинфэна под руку:

— А Фэн, пойдём там поедим.

Они сели за маленький столик, прислушиваясь к тому, как Дэ Фу уводили, заткнув ему рот.

Император подцепил кусочек оленины, но не смог донести его до рта. Вздохнув, он положил

мясо обратно в чашку:

— А Фэн, спасибо, что предупредил меня. Иначе я бы, наверное...

Му Цинфэн накрыл своей ладонью руку государя, прервав его:

— Ваше Величество, ваша удача и счастье сравнимы с небом, вы приняли Небесную волю и отвечаете чаяниям народа. Вы — надежда всех нас, пожалуйста, не говорите таких недобрых слов.

Император крепко сжал его руку в ответ. Их горячие ладони прижались друг к другу, и в глазах каждого отразилось лицо другого — оба были охвачены одним и тем же пылким чувством.

Гу Шаобай вышел из дома и поднял голову к небу. Снежинки, словно большие клочки ивы, кружились в воздухе хаотичным танцем.

Только что прошла полудень, но небо уже было похожим на вечер. В сером, бесконечном пространстве оставались только снежные занавесы; даже на расстоянии вытянутой руки нельзя было разглядеть фигуру человека.

Он раскрыл зонт и направился в переулок Лючжи. Сапоги хрустели по снегу, и толстый, мягкий слой издавал «скрипучие» звуки.

Этот звук добавлял ещё слой печали в его и так угнетённое настроение. Неужели Му Цинфэн действительно остыл к нему? Уже несколько дней не было ни слуху ни духу, и даже привычные письма раз в два дня перестали приходить.

Гу Шаобай смотрел на размытые в снегу силуэты людей, слушал шорох снега на зонте и чувствовал внутри пустоту. Если тот человек действительно всё понял и решил закончить, то разве он не должен был чувствовать облегчение и радость? Но почему же было так больно? Казалось, без той невидимой нити он потерял что-то важное, чувствовал себя потерянным, и сердце сильно билось от тревоги!

Поэтому он хотел пойти в переулок Лючжи. Вместе с Му Люнянем и Фан Цинчи они могли бы болтать и смеяться, время прошло бы быстро, и на мгновение можно было бы забыть о том, кто так сильно тревожил его душу.

Шёл он, как вдруг на белоснежном снегу перед ним появились две пары ног.

Удивлённо подняв голову, он увидел два одинаковых красивых лица. Гу Шаобай радостно воскликнул:

— Сяо Юй, Сяо Цай, это вы?

Он видел этих братьев в резиденции Князя, тогда они даже разговорили его. Близнецы были одинаково милы и очаровательны, их мягкая речь очень нравилась людям.

Сяо Юй с улыбкой смотрел на Гу Шаобая и с возбуждением сказал:

— Какое совпадение! Мы как раз шли в Дом Гу искать вас, господин Гу. А это вы куда направляетесь?

Улыбка, подобная солнцу, казалось, могла растопить даже этот суровый снег. Гу Шаобай

улыбнулся в ответ:

— Я иду навестить друга. А какое дело привело вас ко мне?

Сяо Юй прищурился в улыбке:

— Князь велел нам передать вам письмо!

Услышав это, Гу Шаобай почувствовал сладкую волну в груди. Он не забыл меня!

Он спросил между делом:

— Раньше всегда приходил Сяо Юань, почему сегодня вы?

Улыбка не сошла с лица Сяо Юя:

— Сяо Юаня дядя Чжоу отправил по другому делу, он не мог отойти, поэтому дядя Чжоу послал нас.

Гу Шаобай было трудно сдержать радость, он покраснел и протянул руку:

— Благодарю вас!

Сяо Юй выудил письмо изнутри и уже хотел протянуть его, но вдруг вспомнил о чём-то и отдернул руку:

— Ой, чуть не забыл! Князь приказал, чтобы господин после прочтения сразу же дал ответ. — Он огляделся по сторонам. — Господин, вон в том переулке ветер и снег слабее. Пойдёмте туда. Вы прочтаете, дадите ответ, и только тогда Сяо Юй сможет считать задание выполненным!

Гу Шаобай усмехнулся про себя. Скорее всего, его снова зовут в резиденцию поболтать, полюбоваться картинами или поесть рыбы... Ха, посмотрим, найдёт ли он на этот раз новые слова!

Он последовал за братьями Сяо Юй и Сяо Цай, проваливаясь в снег, и свернул в переулок у дороги. Остановившись, он принял письмо, подул на замёрзшие пальцы и начал вскрывать конверт.

Но он заметил, что почерк на конверте не принадлежит Му Цинфэну. Подняв голову, он с удивлением посмотрел на Сяо Юя, но вдруг обнаружил, что Сяо Цай исчез. Он уже хотел открыть рот, как вдруг почувствовал резкую боль в затылке, а затем онемение. Всё перед глазами стало расплываться, словно покрылось ещё большим слоем снега, ничего нельзя было разглядеть. В одно мгновение перед глазами потемнело, и он перестал что-либо видеть.

Когда он очнулся, невозможно было понять, день сейчас или ночь, и даже сколько времени он пробыл без сознания.

Гу Шаобай открыл глаза. Шея болела так, будто её сломали. Он лежал на боку и оглядывался по сторонам. На низком столике горела масляная лампа, её свет, величиной с фасоль, освещал мрачное помещение.

Это, должно быть, было подземелье: пол был холодным и грубым, стены неровными, а невдалеке виднелись железные прутья, толщиной с палец.

За решёткой стояла кромешная тьма, и тишина была пугающей.

В мгновение перед обмороком он уже понял, что Сяо Юй отвлек его внимание, а Сяо Цай оглушил ударом.

Только он не знал, зачем они это сделали!

Это вряд ли был Му Цинфэн, он не стал бы применять такую силу. Значит, это по чьему-то указанию?

Шея болела, затылок болел — всё казалось расколотым, и у него не было сил думать.

<http://bllate.org/book/16730/1538995>